

КАК Я ПОБЕДИЛ В СЕБЕ ПРОТИВНЫЙ ГОЛОС

Однажды воскресным утром мы с папой отправились в парк. Там я встретил своих друзей, и мы затеяли весёлую игру. Но вскоре папа позвал меня домой.

— Прощайся с друзьями, нам пора идти обедать, — сказал он.

Обедать я совсем не хотел. Вообще-то я могу долго гулять без еды, если играю во что-то интересное. Но папа настаивал, и мне пришлось прервать игру на самом интересном месте. За это я очень рассердился на папу. Всю дорогу домой я его упрекал и жаловался, что папа испортил мне настроение.

Дома вкусно пахло. Увидев нас, мама обрадовалась и стала накрывать на стол. Я нехотя сел на своё место, всем своим видом показывая, какой я несчастный.

Мама спросила:

— У тебя что-то случилось?

— Да, случилось! — угрюмо ответил я. — Папа не дал мне доиграть с друзьями. Он заставил меня идти домой, хотя я ещё не голоден!

— Папа так сделал, потому что вы гуляли уже два часа и наступило время обеда, — ответила мама. — Ты говоришь, что не голоден, но ведь папа проголодался. Это по твоей просьбе он водил тебя в парк. Как ты думаешь, заслуживает он, чтобы ему сказали спасибо и вкусно накормили?

Я понял, что мама на папиной стороне, и мне стало ещё обиднее. Я отвёл глаза и буркнул ей в ответ что-то невнятное. Тем временем за столом собрались и папа, и мой старший брат Владик. Мама стала разливать по тарелкам ароматный горячий суп.

— Это папочке, — сказала она и поставила перед папой полную тарелку супа.

— Это Владика, — приговаривала мама, поставив вторую тарелку перед братом.

— А это тебе, — сказала она и налила суп в мою тарелку.

Я уловил аромат своего любимого супа и, вдруг, почувствовал, что сильно голоден. Но минутой раньше я заявил, что не хочу есть, и теперь

упрямство не позволяло мне прикоснуться к еде. Я был всё ещё сердит на папу. Мама не поддержала меня, и я обиделся на неё тоже.

— Почему ты сначала папе суп налила, потом Владiku, и только потом мне? — стал я придираться к маме и почувствовал, как неприятно звучит мой голос. — Зачем вы торопили меня сесть за стол, а сами кормите меня последним? — мой голос становился всё более капризным и визгливым, но я ничего не мог поделать. Противный голос сам вырывался из меня.

Мама спокойно ответила:

— Обрати внимание, что перед каждым из вас стоит тарелка с супом, кроме меня. Я последняя, а не ты. А знаешь, почему? Потому что я вас всех люблю и поспешила сначала накормить вас — моих любимых мужчин.

В ответ на это, папа сказал маме спасибо, а Владик улыбнулся ей в знак благодарности. Один я ничего не ответил. Мне стало не по себе от того, что я так грубо разговаривал с мамой, но признаться в этом я не хотел.

Ни папа, ни Владик, не обращали на меня никакого внимания. Они ели и переговаривались между собой. Мама тоже принялась за еду как ни в чём не бывало. Мне мучительно хотелось есть, но из упрямства я не мог себя заставить взять ложку в руки. Тот противный голос, который сидел во мне, рвался наружу, чтобы сказать что-то обидное. Но я заставил его промолчать. И тут мой взгляд упал на блины.

— Я не буду суп, я буду блины, — объявил я.

Мама пожалала плечами и сказала:

— Как хочешь!

Я откусил ещё тёплый душистый блинчик и почувствовал громадное удовольствие. Я и не заметил, как проглотил один блин, за ним второй, а потом и третий, четвёртый...

Папа, мама и брат доедали суп и молча поглядывали на меня.

— Ты же говорил, что не голоден! — удивлённо сказала мама.

— Ну и что! Не хотел и не ел, передумал и ем! — резко ответил я и потянулся за следующим блином.

На тарелке осталось последних три блина. Папа перехватил мою руку.

— Подожди, — сказал он. — Сначала ответь мне: как ты думаешь, это блины для всех или только для тебя?

— Для всех, — согласился я.

— Что же ты ешь и никого не спросишь, может кто-то из нас тоже хочет? Например, мама. Это ведь она блины пекла. Неужели ты и ей ни одного не оставишь?

Папа пристально смотрел на меня. Тот противный голос внутри снова хотел сказать: «Ну и что, хочу и ем! Кому какое дело!» Я еле сдержал его.

Папа продолжал:

— Запомни: мама у тебя одна. Её беречь надо, заботиться о ней. Эх! Не стал ты ещё настоящим мужчиной, — вздохнул он.

И тут мой противный голос вырвался наружу. Я заплакал навзрыд и убежал в свою комнату. Плачу погромче, чтобы все знали, как мне обидно, а сам думаю: «Это что же такое получается? Мама за папу, папа за маму, а как же я?»

Тут пришел Владик, я ему и говорю:

— Зачем пришёл? Уходи отсюда, не видишь, мне плохо!

А он мне в ответ:

— Сам виноват: всех обидел! Ты же маму и папу любишь, так пожалей их. Помиришься с ними, и тебе станет хорошо.

— Не буду, — буркнул я и уткнулся лицом в подушку.

— Ну, как хочешь, — сказал Владик и вышел из комнаты.

А мне вдруг расхотелось плакать. Я стал думать, что, наверное, напрасно обидел папу и маму. И брата жалко: зачем я его прогнал? Это голос противный виноват, почему он всё время выскакивает из меня!

Сижу в комнате, сижу, мне уже скучно стало. Захотелось выйти, но как теперь всем в глаза смотреть, я же сам всех обидел? Думаю: «Надо подойти к маме и папе, сказать «извините» и с Владиком помириться». Думаю правильно, а сказать хорошие слова никак не могу! Как будто эти слова у меня в горле застряли. Тогда я к зеркалу подошёл и попробовал сказать их тихонечко, а противный голос мне мешает: делает капризным каждое моё слово. Ух, и рассердился я на него. Ну, думаю, сейчас я тебя прогоню!

Я решительно пошёл в комнату, где были папа, мама и Владик, вдохнул побольше воздуха и громко произнёс: «Извините меня, пожалуйста, я не хотел обидеть вас! Просто у меня было плохое настроение».

Папа с мамой обрадовались. Мама обняла меня и чмокнула в щёку.
— Я всегда знала, что ты у меня хороший сын, — сказала она.
Папа протянул мне руку.

— Давай пять! — произнёс он. — Молодец, настоящий мужчина, принял решение и исправил дело!

А брат, глядя на меня, просто улыбнулся и подмигнул. И мне сразу стало хорошо. А противный голос куда-то делся. Остался мой настоящий, тот, который не забывает быть вежливым.

